

Стеклянный человек

Автор:

Валерий Печейкин

Стеклянный человек

Валерий Валерьевич Печейкин

Loft. Современный роман

Эта книга – роскошный интеллектуальный стендап, темой для которого становится сама жизнь. Школьные экскурсии, работа в штабе Жириновского, поход в супермаркет, современный театр, Москва, Ташкент, Европа... Свободный жанр свободного человека, ирония и сострадание, а кроме этого – чувство, что наконец-то все назвал своими именами.

И если рассказы из первой книги Печейкина сравнивали с рассказами Чехова, то вторая книга – это скорее Достоевский времен «Бесов» или Ильф и Петров в купе с Булгаковым.

Первая книга «Злой мальчик» стала максимально успешной.

Колумнист изданий «Москвич Mag», GQ, S7, Forbes, «Коммерсант Lifestyle».

Лауреат премии «Дебют» в номинации «Драматургия» за пьесу «Соколы».

Обладатель первого приза фестиваля «Новая драма» за пьесу «Соколы».

Лауреат конкурса «Пять вечеров» памяти А. М. Володина за пьесу «Моя Москва».

Валерий Печейкин

Стеклянный человек

© Печейкин В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Детский ад

Стеклянный человек

Классе в девятом нас повели в анатомический музей. Сначала собрали, наорали, а потом сказали, что в пятницу вместо двух уроков биологии мы пойдем в этот самый музей. Идти обязательно: потом будет опрос об увиденном. Обычно на такую фигню все забивали, кроме двух отличниц – Марины Лондаревой и Инны Орловой, которые везде мотались. Ну, и еще два брата-татарина, у которых дома было пятьдесят младших братьев и сестер. Короче, им было неприкольно торчать на хате.

Но в ту пятницу пришли почти все. Биологичка удивилась и почти не орала. Пришел даже Дима Есипенко, которого звали просто Ёс. Он, который жил на первом этаже, и его рожа вечно лупила из окна. Пришел Валера Скороухов, который все время болел, а в конце четверти играл джинна и читал задротские загадки со сцены в актовом зале. Пришел Фархад Эршад – пацан из Афганистана, который появился на занятиях один раз в начале года. И у которого все путали имя с фамилией. Все знали, что его мамашка занесла завучихе бабла, чтобы сыну выдали диплом в конце года. Фархад мало учился, но много качался, на его шее висела золотая цепочка с какой-то арабской фигуркой. И в тот день все подумали, что если пришел даже Фархад, то музей реально чего-то стоит. Не иначе.

Рассказывали, что десятиклассникам, которых водили в прошлом году, повезло: им показали резиновые сиськи – их нужно было слегка вздрочнуть, и из сосочков брызгала белая фигня. Типа молоко. Потом сиськи сломались и их куда-то заныкали. Вот. А нам ничего такого не светило. Кроме стеклянного человека.

Пока шли до автобусной остановки, дорогу перед биологичкой перебежала черная кошка. Биологичка зассала и повела класс в обход, вдоль интерната для дебилов. Когда у нас кто-нибудь в классе тупил, ему говорили: «Отдадим тебя в розовый дом». Ведь интернат был покрашен розовым. Проходя мимо, мы шуганули пару даунов, которые тусили возле забора. Они еще больше затупили и все время, пока мы шли, смотрели на нас. Дебилы, чо.

Из-за кошки мы опоздали на автобус, а следующего пришлось ждать полчаса. За это время у одной девочки расстроился живот, а братья-татары подрались. Девочку отправили домой, а братьев биологичка схватила и шлепнула друг об друга: они успокоились. Потом пришел новый автобус и мы все, кроме обосранной девочки, в него забурились. По дороге мы выбесили несколько бабок, биологичка снова на нас орала.

В музее нас встретили безрадостно: мы жестко опоздали. Экскурсоводша начала из-за этого орать на биологичку. Всем стало стремно, что какая-то левая тетка орет на нас. Мы даже попытались на нее быкануть, мол, заткни хавчик или сосни тунца. Потом биологичка отвела ее в сторону, поговорила, и та быстро успокоилась. Оказалось, биологичка просто дала ей наличных лавов.

- Ну, - начала экскурсоводша, - начинаем экспресс-обход.

Она вынула белый халат - мятый, как будто из жопы. Вынула, надела, повела.

Поначалу ничего прикольного мы в музее не увидели. Было фуфлыжно, как в поликлинике. Подошли к триптиху «Инфекция». Плакат про ОРВИ, плакат про кишечную хрень и плакат про СПИД. У последнего подзаголовок «Инфекции, передающиеся половым путем». Про некоторых в школе говорили, что они ходят этим путем с пяти лет. Было заметно, что все три плаката рисовал один мусульманский художник, которому было ссыкотно изображать человека, поэтому он изображал не людей, а какую-то хрень.

На половом плакате было нарисовано несколько скамеек. На одной сидели наркоманы и ширяли друг друга в кавайные белые руки: ни вен, ни кошмарных фурункулов, посланных богом, автор не изобразил - просто руки, просто шприцы. Наркоманы были плохо одеты: видимо, все деньги уходили на ширку. Рядом сидела парочка - мужчина и проститутка. Она была побогаче и одевалась лучше, чем наркоманы. На ней была красная накидка и колготки в крупную

клетку. Она закинула голову и подставила шею для поцелуя. На шлюшином лице проступали черты индивидуальности. Видимо, этот образ вызывал у художника эрекцию, типа отклик в душе. Вдобавок под скамейкой стояла открытая бутылка вина. Таким образом, автор за те же деньги рисовал больше предметов – его точно увлекла тема продажной любви.

Ну а рядом с наркоманией и проституцией был изображен гомосексуализм. Если шлюха вызывала у автора сочувствие, а ушлепки-наркоманы просто заблуждались – они не открыли пока для себя бухалово, – то гомосексуалисты... это... Даже коричневый грипп (первый плакат), который вылетает из носа вместе с «апчхи», не был таким страшным. Когда художник рисовал гомосексуализм, он, наверное, напоминал богиню Кали – гнев и разрушение колбасились в его рисунке.

На скамейке сидели два мужика с длинными волосами; они ртами целовали друг друга в губы. Губы были похожи на защелки от маминых кошельков. Такие, знаете, с шариками. Гомосексуализм был одет в разноцветные рубашечки, которые обычно носят на даче или в сочах. Короче, как если бы два инженера оказались на отдыхе без жен, а удочки и наркотики забыли дома. Из всех искушений осталось одно – гомосексуализм. Не пропадать же выходным?

Экскурсоводша увидела, как мы угораем над пидормотами, и погнала нас дальше. Через пару сек она уже объясняла отличницам, что такое кровеносная система. Нас тоже заставили смотреть на экспонат, где мигали красные и зеленые лампочки. Они изображали круги, по которым бежала кровь в организме. Я знал, что зеленые лампочки получают, если обычные прозрачные покрасить зеленкой, а красные – женским лаком. Так на Новый год делалась вонючая – лак шмонил и трескался – гирлянда. А тут, значит, кровеносная система из тех же лампочек.

Про кровь все было более-менее понятно. Она содержится в основном в руках и коленях, ну и во всем остальном, если этим хорошенько долбануться. А что по поводу говна? Это не я спросил, а Дима Есипенко, который жил на первом этаже. И все тупо заржали – Фархад Эршад, братья-татары, даже девочки. Все, кроме отличниц. У них был какой-то иммунитет. Биологичка долбанула Есипенку по голове сумкой и куда-то погнала.

Экскурсоводша показала еще пару стремных экспонатов, и тут началась жесьть.

Нас провели в зал, где под стеклом лежала вырезанная из разных людей хрень. Одна девочка сразу проблевалась. Причем та девочка, которая не села в автобус из-за поноса. Оказывается, дома ей дали деньги на такси, чтобы она смоталась в музей. Короче, бедняга за день дважды испачкала свое легкое летнее платье.

Потом нам показали дохлых лягушек в спирте и эмбрионов в банках. Видели их когда-нибудь? У биологички в подсобке стоит эмбрион: плавает в водке хрень, вроде запятой с глазами. И любой из нас мог в баклажке плавать и в школе какой-нибудь стоять. Однако мы стоим в музее и смотрим на них, а они – на нас.

Еще показывали мозги: простые и нарезанные, как сыр на дне рождения – тонко-тонко. Экскурсоводша стала что-то задвигать про нейроны и электрические импульсы. Потом идет дальше и зовет: «А теперь, мальчики, ступайте сюда». Интересно, думаем, а почему именно мальчики? Может, хрен заспиртованный покажут. Оказалось, нам покажут – легкие курильщика и печень алкоголика. Экскурсоводша ехидно давай рассказывать, что бывает с теми, кто курит, что с альвеолами происходит; про цистит печени, про раннюю смерть и все такое.

Мы ее, конечно, слушаем, а сами, как хомячки, думаем о своем. Наконец, говорит, проходим в финальную залу, там вашему вниманию предстанет стеклянный человек из Германии. Тот самый. Проходим, смотрим – действительно торчит какая-то байда, похожая на нашего вахтера-киргиза. Стеклянный человек был не прозрачный, а какой-то бронзовый и стоял на деревянной подставке, подняв руки хендехоном.

Мы стали на него тупить: что такого? Просто стеклянный человек... Как вдруг у него засветились розовые мозги! Оказывается, экскурсоводша заныкалась в угол и включила человека в розетку. Теперь она стояла сбоку, держала в руках пульт на проводе и болтала: вот мозги, которые вы уже ранее видели нарезанными. Они, как вы помните, нужны для вмещения души и мыслей.

Щёлк пультом – а это красная гортань, по ней пролетает еда из фастфуда.

Щёлк – а это оранжевые бронхи, они нужны... а фиг знает. Щёлк быстрый – голубые легкие, которые нужны, чтобы курить и орать. Еще ими можно надувать шарики, но это для школоты.

Щёлк – сиреневые печень-почки. Ну, печень-почки нужны, кажется, чтобы фильтровать воду от хлорки. Еще они болят, если долго бежать кросс по заданию физкультурника Юрия Владимировича, который однажды напился и лежал прямо на школьной лестнице, а его в учительскую таскали химичка и русичка. В общем, печень-почки нужны, чтобы болеть. Спросите у Юрия Владимировича.

Щёлк – коричневые кишки. Они нужны, чтобы в них хранился кал. Непонятно, зачем они такие закрученные и выёжистые. Ведь можно было устроить, чтобы кал сразу вываливался из жопы. Но так бывает только в первоначальной природе, где туалет повсюду. Бог же предусмотрел, что построят Москву без туалетов. И придумал кишки-лабиринты. Пока говно ищет выход, можно добежать до «Макдоналдса».

Щ... не-а, не щёлк, а барабанная дробь. Сами подумайте, что может засветиться ниже кишок... Ага, он должен засветиться. Но про него же не говорят, а тут... Все притихли... Было даже слышно, как трещат от напряжения глаза братьев-татар.

– Завершает наш обзор...

Белая вспышка!.. Свет светит во члене.

– ...половая система.

Какая, к черту, система! Это иван иванович, а не система. Так и надо было сказать, а завершает наш обзор, ребята, иван иванович, известный более как хер. Если откажут печень-почки, мочки ушей или даже мозг – жить можно. А без хера никак. Не надо забывать и про яйца – они придают херу вес. Важность хера для организма огромна.

Я посмотрел на отличниц Инну и Марину: лица у них были как зашнурованные. Глазами – двумя черными дырками – они хавали божественный свет. Посмотрел на биологичку: она зырила на член именно как на орган, который дан человеку не для радости, а для контрольной работы. Хорошистки смотрели на член испуганно, а единственная троечница Света Сластихина – с уважением, как на деда-ветерана. Ну а мальчики ржали: Дима Есипенко, братья-татары и афганец, даже Валера Скороухов, уж на что задрот, тоже хмыкал. А что еще делать? Хер,

писька, жопа – это смешно, а когда они светятся – вдвойне. Представьте, что светится жопа.

Член был похож на экономную светодиодную лампочку.

В нем билось живое солнце. Он был протянут каждому, как трубка мира: бери и вдыхай. О, ху... Мне показалось, у него появились два маленьких золотистых крыла, он вспорхнул и, кружась, взлетел под потолок. Все ахнули, кроме экскурсоводши:

– Половой мужской член имеет способность отделяться от тела. Его пещеристое тело при этом выполняет функцию аэродинамической трубы. Именно эта способность к полету и послужила залогом эволюционного скачка, который сделало человечество...

Хер спикировал из-под потолка и воткнулся экскурсоводше в рот. Заткнись.

Конечно, это была фантастическая картина. На самом деле все просто поржали, а биологичка, опомнившись, обозвала нас импотентами. Больше в музее ничего интересного не было. Мы пошли домой.

Не помню, был ли опрос на следующей неделе. Из биологии вообще ничего не помню... А ведь до хрена учил: эпителий, эндотелий, вакуоль. А вот стеклянного человека запомнил. Остальное как будто в темноте – все забыл.

1 сентября

Я не пошел в школу 1 сентября.

В Узбекистане 1 сентября – это День независимости, он там даже круче Навруза. Поэтому, когда накануне умер Каримов, об этом не говорили несколько дней, чтобы не омрачать.

Вечером накануне – 31 августа 1991 года – я подошел к матери и сказал, что принял решение не идти в школу. Вообще. Да, я долго думал, взвесил все «за» и

«против» и понял, что мне это не подходит. «Хорошо, скажи об этом отцу», – сказала мама. Это означало «ты с ума сошел, он тебя убьет».

Отцу я ничего не сказал. В школу я все-таки пошел. И все десять лет жалел об этом. Без шуток: решение, принятое в неполных семь лет, было верным. Школа оказалась абсолютно бессмысленным делом. Я до сих пор не понимаю, зачем все это было.

Из первого учебного дня я запомнил один момент. Все вставали и представлялись. Шли по алфавиту. Передо мной встал маленький лупоглазый Дима Петров. Ну, Дима так Дима, Петров как Петров. Так могут и должны звать разведчика, человека без свойств. А потом встал я.

«Меня зовут... Валера Печейкин». Класс бахнул смехом. Некоторые уронили разложенные пеналы. И тут я понял, что у меня очень смешная фамилия. Все десять лет из-за нее у меня не было настоящего прозвища. Меня уже звали Печейкин.

Когда я в 20 лет решил взять псевдоним, друг отговорил меня словами: «Валера, понимаете, вам он не нужен. Тексты, которые вы сочиняете, требуют именно такой подписи. Ваша фамилия уже звучит как псевдоним».

Так я остался Печейкиным. Я несу эту фамилию официально с первого дня в первом классе. В классном журнале меня записывали Печкиным, Печенькиным, Пегейкиным, Печонкиным, проч., проч.

Я с гордостью нес свою фамилию и считал себя героем, пока не встретил автора, чьей фамилией была – Пидоренко. И она была настоящей. И он так подписывался.

Так что, дорогие дети, с гордостью несите свои имена и фамилии, с гордостью пишите их на тетрадках. История рассудит, кто из вас был печейкин, а кто – Печейкин!

7 октября

Однажды в нашем доме появился календарь. Годы были 90-е, и календарь совмещал астрологический прогноз, советы хозяйке и познавательную статистику – кто из великих родился в такой-то день. Календарь торжественно повесили в туалете.

Я сразу отлистал на 7 октября и прочел: родились физик Нильс Бор и рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Я ненавидел физику, поэтому гордиться Бором не стал. А вот слово рейхсфюрер произвело на меня огромное впечатление. Я решил, что если этот человек упомянут в календаре – между гороскопом Весов и советом про картофельные глазки, – то это прекрасный человек. Я почему-то решил, что рейхсфюрер – это как парфюмер, только добившийся больших успехов. Короче говоря, я обрадовался.

И стал всем рассказывать, что вот, мол, живешь, а потом бац – и узнаешь, что родился избранником неба. Был, мол, такой Гиммлер, а вот теперь – я. И тогда не помню, кто (возможно, мать, которая преподавала историю в техникуме) сказала что Гиммлер был одним из соратников Гитлера. У них даже имена похожи, а рейхсфюрер – это не парфюмер, а последняя сволочь.

Я был в отчаянии. Родиться в один день с бессмысленным физиком и последней сукой, почти Гитлером, проклятьем человеческим. А больше в календаре не было никого. Надо мной стали подхихикивать, что, мол, так себе денек – 7 октября.

Я листал энциклопедию в надежде найти хоть еще кого-то, но все гении словно разбежались по другим дням. Седьмое октября было словно воронкой, оставшейся от падения астрологической бомбы.

Говорили, что в советское время это был День Конституции, но потом его отменили. День из красного стал серым... Я и Гиммлер с кровавой пастью одиноко ели торт.

Но шло время. Из газеты про звезд я узнал, что в этот день родился музыкант Том Йорк. Хоть что-то! Потом проскочила информация, что 7 октября – день сотворения мира в иудаизме. Уже неплохо!

А потом по телевизору сказали, что в этот день родился Путин. Владимир Владимирович Путин. А я Валерий Валерьевич Печейкин. И мы похожи.

И вот уже двадцать лет телевизор напоминает всем, кого нет в соцсетях, что меня нужно поздравить. Потому что поздравляют его.

Но знаете что? За эти годы я стал намного лучше относиться к Нильсу Бору и его квантовой теории спектров.

С праздником, Нильс!

Первый подарок

Вспомнил, что мне подарили на первый день рождения.

Мне 4 года, и мне дарят игрушку. Я спрашиваю, что я такое сделал. Оказывается, у меня день рождения – оказывается, этот день принято отмечать. Я радуюсь и одновременно огорчаюсь, так как не помню подарков на 3, 2 и 1 год. Сэкономили? Ладно...

Подарили деревянного Винни-Пуха с лапками на резинках. Я сразу отрываю одну лапу. Пух становится калеккой, я прошу родителей поменять игрушку на новую. Ну, говорят мне, извини – теперь в следующем году. Я рыдаю: целый год! Лучше бы не дарили ничего, лучше оставили бы в неведении. Вместо этого: слезы, расчлененный Винни. Как говорил Екклесиаст, «он напрасно пришел и отошел во тьму, и его имя покрыто мраком». К вечеру я перестаю плакать, во мне растворяется первое детское отчаяние и осознание того, что я убийца. На следующий год мне подарят пожарную машинку, я тоже сломаю ее, но чуть позже. Потом будет еще какая-то игрушка, а потом подарки начнут совмещать с необходимостью – школьный ранец, пенал, ботинки. Потому что накануне я уничтожил новые.

С тех пор день рождения, едва начавшись, изводит тем, что через несколько часов закончится. Как женщина не нужна 9 марта, как мужчина – всегда.

Страшней всего день рождения ближе к вечеру – когда хороших слов наговорят столько, что можешь стать донором комплиментов. Как же хорошо, что я не пью алкоголь. Печально видеть, как именинник превращается в роман-реку и

стримит о том, что ему интересно. А все такие: чувак, уже как бы другой день, восходит заря безразличия. Я бы говорил о музыке, о нейросетях, о Кафке, а потом включил бы Fog Tropes Ингрэма Маршалла и смотрел, как расходятся гости. И мысленно видел, как светится в Кремле одно окошко – кабинет Путина. У него ведь тоже – сегодня. Но он тоже не пьет, как и я. Поэтому мы ничего не сказали. Мы просто помолчали, подумали. Я – о нем, он – о ничем.

С днем рождения тех, кто будет после нас.

Кумулони́мбус и нимбостратус

В детстве нельзя было материться. Помню, как я довел мать до слез, принеся домой слово «п*****с». «В школе так сказал Дима Ковтунов. Мама, а что это такое?» – «Тебе отец объяснит!» Отец не объяснил. Объяснила жизнь...

Но однажды я нашел мат без мата. В энциклопедии «Вселенная и Земля» я прочел два слова. Кумулони́мбус и нимбостратус. На самом деле ничего такого, кумулони́мбусы – это кучево-дождевые облака, какие ходят сейчас над Москвой. А нимбостратусы – это слоисто-дождевые, какие затягивают небо осенью и наводят тоску.

Эти слова стали для меня самыми страшными ругательствами. В кумулони́мбусе слышалось что-то вульгарное. А в нимбостратусе – тут и объяснять ничего не нужно. Как будто кто-то [какашка].

Я сделал эти открытия классе во втором и блистал ими класса до пятого. И блеснул однажды на уроке географии. В этот день проходили тему облаков. Одноклассник Дима Ковтунов на вопрос училки, какие они бывают, сказал: «Тучи». Все смеялись. А я сказал: «Кумулони́мбусы и нимбостратусы!» Все молчали. Но потом смеялись.

В другой раз нас попросили сделать устный рассказ о любимой птице. Дима Ковтунов рассказал про ворона, Настя М. – про голубя, а Валера Печейкин встал и сказал: «Моя любимая птица – желтогорлый рогатый жаворонок». Его я нашел

в сборнике открыток «Природа Алтая». И мне показалось, что он – это я в мире птиц. Жаворонок выглядел как маленький черт. Как я.

Произнес я его имя как «желтоголлый логатый заволонок», потому что картавил. Отец тогда прочел, что для борьбы с картавостью нужно повторять слово «трамвай». Помню, как я сидел и говорил: «Тламвай, тламвай, тламвай...» Сказать «трамвай» не получилось ни разу. Но я обнаружил важный побочный эффект. Повторение одного слова вводило в наркотическое состояние. В нем слово «трамвай» полностью теряло свой смысл. А во-вторых, в него, как вода из кумулонимбуса, ливнем хлынули все прочие смыслы.

Тогда, в начальной школе, я испытал настоящий наркотический приход. Я несся в бесконечном тламвае по небу и нимбостратусу, кумулонимбусу на крыльях желтоголового рогатого жаворонка – навстречу слову «сер?уёш», которым начинался гимн Узбекистана. Оно значит «солнечный».

Никогда этого не забуду.

С тех пор я узнал и произнес все плохие слова. Сегодня я могу говорить слово [«гомосексуал»], но не хочу. Оно внесено в Конституцию. Я попробовал говорить «поправки», как когда-то – «трамвай». «Поправки, поправки, поправки...» – через две минуты слово потеряло смысл. Но наркотического эффекта нет. Нельзя наполнить смыслами то, что бессмысленно.

Добрые дети

В одном классе со мной учился мальчик-татарин, звали Дамир. Его все били, а он смеялся. Его трясли, бросали и возили по полу, когда нечем было заняться. То есть всегда. Дамир никогда не обижался, не жаловался, только иногда сильно морщился, когда втроем сильно прижимали к стене, зажимали нос и рот, не давая дышать. Ну или еще что-нибудь такое. Сегодня нашел его профиль в интернете. Любит книгу «Перст указующий», игру Silent Hill, телеигру «Уйти в отрыв!» и фильм «Чистильщик». Стал красивый, улыбается, глаза, как и тогда, – добрые.

Был еще один мальчик, имя не помню, только прозвище – Базарбай. Он приходил в школу с заточкой, иногда приставлял ее кому-нибудь к горлу. Учителя знали? Знали. Родители знали? Знали. Нам говорили, что дети должны сами решать свои проблемы внутри коллектива. У Базарбая было еще несколько друзей – компания корейцев. Один из них ходил с муляжом пистолета и, как говорил, пугал им проституток – чтобы те «бесплатно сосали». Были еще ребята в параллельном классе. Двое из них забрались в кабинет русского языка и литературы. На столе лежали оставленные для проверки тетради. Ребята насрали в них и ушли, как пришли – через окно. Их нашли и отругали. Двое других через полгода забрались в класс математики, но срать не стали – просто подожгли. Еще двое написали над входом огромные слова: «Е****Я ШКОЛА». Под ними проходили линейки и пели песню: «Школьные годы чудесные!»

И вот сегодня, вспоминая чудесные школьные годы, я задаю себе два одинаковых вопроса. Я вспоминаю Дамира, над которым издевались, и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Я вспоминаю Базарбая с ножом и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Два одинаковых вопроса и один мой ответ:

Раньше дети были другие.

Добрые.

Я в искусстве

Творческий труд

Очень важная для меня тема: как оценивать чужой творческий труд. И так, как это происходит в двух мирах – в России и в Европе.

В Европе:

«Дорогой Валерий!

Мы были очень рады получить Вашу работу «Кусок моего дерьма», сделанную из Вашего собственного дерьма, что делает работу очень личной и даже глубокой.

Все мы с интересом и уважением отнеслись к Вашей работе, в которую Вы вложили частицу себя, ведь Вам пришлось многое переварить, чтобы создать работу «Кусок моего дерьма». В ней есть теплота и мягкость, пряность и терпкость – все в одном бесшовном куске. Куске дерьма.

Спасибо Вам за нее!

Нам хочется помочь сделать Вашу работу еще интереснее, для чего мы написали 375 точечных комментариев по оформлению Вашей заявки. Будем рады, если вам удастся с ними ознакомиться и внести изменения. После этого мы сможем двигаться дальше вместе.

Спасибо Вам и хорошего дня!

Обнимаем Вас,

команда фестиваля «Дерьмо – всем»

В России:

«валентин печейкин.

Вы прислали работу «Кусок моего дерьма». Смотрите, у нас три вопроса:

1. Работа «Кусок моего дерьма» сделана из дерьма?
2. Это ваше дерьмо?
3. Почему?

Хотелось бы получить ответ на эти пять вопросов.

Также хотелось бы уточнить, с какой стороны начинать знакомство с вашей работой? В коробке оно лежало по диагонали. Это что-то значит?

Нам понравилась сама коробка. Очень хорошая коробка. Где вы такие берете?

Андреев Семен Андреевич,

руководитель специальных проектов отдела перспективных проектов фонда поддержки молодых инициатив «Чистый Байкал»

Дырокол

Два раза в жизни я был сильно не прав.

Первый раз такой. Мне был нужен дырокол. Всего лишь две дырки в плотной бумаге: тык и тык. Всё. Согласитесь, покупать ради такого целый дырокол – это глупо. Я жадина, но не дурак.

Короче, мы с другом придумали план по бесплатному дыроколингу. Зашли в «Комус», спросили про мощный дырокол, нам принесли – проверить. И вот тут начинается наш план: я отвлекаю комусиху, а друг – делает дырки. Но тут все пошло не по плану. Комусиха оказалась стервой. Вы, говорит, сначала купите, а потом дырки делайте. Мы отвечаем, что нам сначала проверить нужно. А она говорит: сделайте одну дырку – и если ок, то покупайте. Хорошо, а можно мы сначала... «Нет». Смотрю я на эту бабу и вижу: она умрет за дырокол. Вот реально – жизнь положит. Я не знаю, что делают с людьми в «Комусе». Я слышал, как люди гибнут за детей, за миллиарды, за смешное видео для ютуба. Но чтобы за дырокол – я такое видел впервые.

Ладно, ушли мы из «Комуса» с одной дыркой. Пошли в другой. Приходим, задаем те же вопросы – только на этот раз консультант парень с коком на голове. Он не

умирает за дырокол, но очень его боится. Я не даю, говорит, никаких гарантий, что он не сломается, что вы его не сломаете, вообще никаких гарантий не даю. Сначала купите – потом ломайте. А как же я узнаю, работает ли он? Это я не знаю – надо купить, потом пробовать. Даже дырочку не дадите сделать? Пожалуйста, купите...

И, знаете, я бы его дождал. Парень симпатичный, я заглянул в его глаза и увидел, что в глубине души он не продавец дыроколов, а мятный рыцарь... Но тут влезла какая-то бабка. Корректно называть ее пожилой женщиной. Но она явилась в виде старой дуры. Она влезла в наш разговор. И стала тянуть парня-продавца на кассу, чтобы он пробил ей какие-то тетрадки. И тут нас всех заклинило, как степлер. Мы все стали орать. Орала бабка, орал продавец, орал я. Мы орали минут пятнадцать.

И вот сейчас я понимаю сердцем, что был не прав.

Второй раз, когда я был не прав, случился накануне. Я тогда написал в фейсбуке, что у меня выходит книга. И через 0,5 секунды появился коммент: «Спасибо, но вашего бреда хватает и здесь». Если бы коммент появился хотя бы вторым, хотя бы через 5 секунд... Но это была первая и мгновенная реакция. Я очень обиделся. И удалил. Получается, я задушил свободу слова? Получается, так.

И это критика!

Я тут испугался: прислали новость. «Критик раскрыла секрет литературного успеха автора пьес для «Гоголь-центра». Новость опубликована на сайте агентства ФАН. Это то самое медиа, которое этим летом опубликовало ролик с «мамой-геем» и вопросом «Такую Россию ты выбираешь?».

Я боялся нажимать на ссылку, как на тысячу вирусных вирусов.

Ну вы сами подумайте, что может быть за таким заголовком: КРИТИК РАСКРЫЛА СЕКРЕТ УСПЕХА.

Господи, что же там?!

Я приготовился читать: «Оголтелый квиросатанист замарал сто шестьдесят страничек, сделанных из убитых русских деревьев, ведь их можно было потратить на брошюру советов сибирской травницы, но нет, издательство с нерусским названием INSPIRIA решило отдать их этому вуузеле гомосексуализма, каждый слог которого – болезненная отрыжка, как если бы сам ковид научился писать. Секрет его – договор с дьяволом, подписанный на Госдепуслугах».

Но, знаете, ничего подобного. Вся статья – это ссылка на статью Лидии Масловой в «Известиях». Например, такая цитата: «По мнению Масловой, которое критик привела в беседе с “Известиями”, доля очарования Печейкина как писателя заключается в его самолюбовании, вызывающем скорее умиление, нежели отвращение».

В общем-то, все.

Ну я даже не знаю, что сказать. Даже не знаю... Такую Россию я не выбирал. Где настоящая критика? Очнись, Россия!

Фотография с гирляндой

Помню, как меня впервые сфотографировали «как писателя».

Это произошло за час до церемонии премии «Дебют». Ее проводили перед Новым годом, и в зале пушкинского музея повсюду лежали гирлянды. Я нацепил одну из них и ходил. «Гирляндочку все-таки снимите. Вы писатель, хоть и молодой», – попросил фотограф. Оказалось, все это время я ходил с новогодней гирляндой на шее. Я снял. Я все-таки писатель.

Мой образ чрезвычайно нравился молодой писательнице Ире Г. А мне нравились ее сатирические рассказы.

Мы с Ирой много болтали. Потом была церемония, мне дали приз за драматургию. Ире тоже дали – за малую прозу. Обрадованные, мы продолжили разговаривать и после премии. Но сколько веревочке ни виться – ей приходит конец. И нашему разговору тоже. Но тут приехал Ирин муж – невысокий, пухлогубый, красивый.

Я тогда еще не знал, что они были накануне развода. И все время скандалили. Я ничего этого не знал. Но принялся болтать с утроенной силой, чтобы развеселить обоих. Но муж только пыхтел. Потом куда-то ушел. Потом позвонил самой Ире Г., она извинилась и ушла.

Вернулась через несколько минут и сказала, что нервный муж уехал.

Потом мы встречались у нее дома в Питере. Ира нянчила маленького ребенка. Я спросил, где муж. «Развелись».

Так я узнал, что тогда ему не понравилось, что мы так много болтаем, что я не отхожу ни на шаг. «Он хотел бить тебе морду». Я помолчал и признался, ее муж мне очень понравился. «В каком смысле?» Я сказал – в каком.

Мы помолчали. У меня был фотоаппарат. Мы сделали фотку. Ира попросила только не фотографировать ребенка, потому что детей нельзя фотографировать. Ну потому что нельзя.

Той фотографии не осталась, но осталась эта. Я в праздничной белой рубашке. Без гирлянды, без ребенка, без мужа. Но скоро – с премией.

Тайна моей фамилии

Я тут зашел в... «Одноклассники», чтобы посмотреть фотографии своей школы. Ну, знаете, у бумеров такое бывает. И вот я смотрю фотографии со школьных линеек и начинаю обращать внимание на жилые дома, которые окружают школу. И тут я понимаю, что я никогда к ним не подходил.

Ни-ког-да.

Понимаю, что, родившись в Ташкенте, я никогда не был ни в Бухаре, ни в Самарканде, ни в Каракалпакской долине, не видел музей Савицкого – вообще ни-че-го.

Понимаю, что, работая в крохотном театральном мире, не знал никого из моих теперешних коллег. Ни-ко-го.

А сейчас знаю их всех.

Но одного человека я узнал еще в Ташкенте и не забываю сейчас. Недавно мы буквально столкнулись на зум-встрече в Creative Writing School. Это Евгений Абдуллаев, прозаик, поэт, критик, переводчик, редактор-философ (настоящий, а не из инстаграма). Мы с ним всегда были с разных планет – это мягко сказано. Он прозаик, я драматург. Он православный, я атеист. Он женат, я нет. Он родил и воспитал детей, я едва нахожу силы заварить чай. Но при этом мы, мне кажется, хорошо понимаем друг друга. Рискну сказать, что даже дружим.

Короче, если вы хотите кого-то почитать и не знаете Абдуллаева – начните читать. У него есть большие романы, вроде «Ташкентского», камерные повести, вроде «Глиняных букв, плывущих яблок». А если вы молоды и настолько наивны, что поступаете в театральный, возьмите одно из его стихотворений. Я, например, опус без названия, который, помню, заканчивается: «Бродит закат, в объективе его – всё темней. Пыль оседает, и кот пробегает по ней». Ищите его по кудрявому псевдониму Сухбат Афлатуни (дословно «Диалоги Платона»). Ну а если совсем лень – послушайте его лекцию на TEDx – «Поэзия в большом городе».

Евгений Викторович, кстати, был тем самым человеком, который отговорил меня брать псевдоним. Я хотел быть Дмитрием Тихомировым. Но он посмотрел на меня и сказал: «Валера, то, что вы пишете, написал автор с фамилией Печейкин. Более того, в русской литературе сочетание первой буквы «П» и «-кина» священно. Пушкин, Пелевин, Прилепин». Тогда, развлекаясь, мы придумали мне синтетический псевдоним Пушлейкин.

Короче говоря, он может все. А я только учусь у него.

Бытописание

Женщины и диван

Я понял, почему бедные люди такие бедные, особенно русские.

Был у меня диван, который я не хотел выбрасывать, а решил его отдать – тем самым бедным людям. Сделал объявление на «Юле», и началось – стали писать мне бедные люди.

Сначала: ой, неужели бесплатно. Потом: ой, а почему отдаете, что с ним не так? Потом: а он разбирается? Потом: сфотографируйте по-другому, спинку, ножку и гузку. Потом: а как я его вынесу, вы мне поможете? Потом: я приеду, ой не приеду, ой завтра, ой невамор.

И все это были женщины: Ольга Б., Ариша Н., Марина Д., Ира С., Виолета П., Наталья К., Виктория П., Ульяна Ч., Фиолета Ч., Ольга С.

Так они писали, звонили, кокетничали, охали, интриговали, пока не приехали на «газельке» два азербайджанца с ключом-десяткой и, тихо матерясь, не разобрали диван на молекулы. Поздравили с наступающим и увезли диван в неизвестном направлении. Сидит на нем сейчас, наверное, отец-вахтер и охраняет склад мокасин.

Так в эволюционной борьбе азербайджанцы победили бедных русских женщин.

Рукавичка

Иногда у меня бывает такое: я покупаю на «Озоне» товар, а потом его возвращаю. В этот раз я купил рукавичку в виде медвежонка...

Нормальные люди напиваются ночью, звонят бывшим или покупают в Китае реплики брендовых кроссовок. А я покупаю хлам на «Озоне».

Я делаю это в те минуты, когда кажется – так будет смешно. Смешно, если я приду куда-то в гости, меня спросят как дела... а я ненавижу этот вопрос. Тогда я выну рукавичку, открою рот медвежонка и скажу: «Я устал и хочу умереть».

Или когда я работаю и какой-то бездельник спросит, почему у меня такой серьезный вид. Да потому что я работаю, вашу мать! Но скажу это не я, а рукавичка.

Или когда приду в какую-нибудь компанию, а там зумеры, у всех эйрподс и батплаг, сидят, обсуждают квир-теорию или читают мои гей-пьесы. В этот момент так хочется взять рукавичку-медвежонка и просто, ничего не говоря, вставить в нее руку... Сделать «а-а-а...». И так же молча снять.

Или, когда враги России будут покушаться на нашу Сибирь, надеть тряпичного медведя на руку. «На!» – взмахнуть и выбить им, врагам, зубы.

Вот такая полезная вещь!

Но потом наступает утро, я просыпаюсь и понимаю, что идея с медвежонком – очень плохая. Никто не улыбнется. Мир мрачен, как дежурный у эскалатора. И я иду в «Озон», чтобы вернуть игрушку.

Захожу. За прилавком сидит мальчик. Я ему говорю, мол, так и так, возврат товара. Он говорит, хорошо, давайте сюда. Начинает щелкать клавишами... И в этот момент дзынькает дверь, кто-то входит. Какой-то мужик. А мальчик за прилавком громко говорит: «Вы возвращаете товар – рукавичка в виде медвежонка! Сумма к возврату 330 рублей! Все верно?!»

Я смотрю на мужика, он смотрит на меня. Мне хочется что-то ему сказать, объяснить. Но я чувствую себя как кубанский массажист, который говорит в суде: «Это был не член, а логопедический колпачок» (погуглите). Но как я объясню случайному мужчине, почему я покупаю и возвращаю рукавичку? Но вдруг по его глазам я вижу: он все понимает. Возможно, он сам иногда сидит с рукавичкой дома.

Я вижу: тихая теплая ночь. Его левая рука надевает на правую – рыжую лисичку. А затем правая на левую – серого волка. И в тихой теплой ночи они начинают говорить. Лисичка рассказывает волку про мир людей – о диктаторах, сажающих самолеты, о «Евровидении», новой маскулинности, «Северном потоке-2», юбилее Сахарова. А об этой тихой теплой ночи расскажешь? Расскажу, волк.

И они разговаривают.

Коробка из «Икеи»

Привезли заказ из «Икеи». В нем есть коробка «Кварнвик». И к ней инструкция – как собирать. Ну, думаю, я что, debil, чтобы читать. Это как инструкция к туалетной бумаге.

Беру часть коробки, все понятно – вот стенки, вот дно. Чтобы его собрать, нужно подогнуть нижние части. Подгибаю, но друг в друга не входят. Хм, думаю, странно... что же делать... Не брать же инструкцию?

Взял как бы случайно, как будто заглянул в тик-ток: просто из интереса. Короче, написано, что не нужно пытаться сложить дно коробки, сгибая силой одну из частей. А как ее тогда, блин, собрать? Ка-а-а-к?

Да пофиг, решил я. Согнул, поднажал – дно сложилось в... днище. Коробка встала, но не стоит. Ну и хрен с ним, думаю. Тупая коробка. Тупая Швеция.

Собрал так вторую коробку. Тоже не стоит нормально. Потом смотрю, а если вот так, чуть-чуть по другому сложить, то... Блин. Так вот оно как собирается-то: ровное дно, без сгибов.

И тогда я понял, что я русский. Весь опыт жизни подсказывал, что нужно надавить, поднажать, приплюнуть, бочком-бочком, немножко молоточком – и тогда все встанет на свои места. Инструкция – для слабаков. Руки сами приведут тебя к правде. Пару раз получится плохо, но в третий – суперкруто.

Поэтому, кстати, и Путин не уходит. Он знает, что два раза будет днище, но в третий – красивое дно.

Отпариватель

Сегодня объяснял студентам-режиссерам, что такое характер. И почему он существует в ситуации. Пример.

Я жду курьера. Он должен приехать до 14.00. В 13.58 его нет. Я звоню:

– Здравствуйте, заказ по такому-то адресу.

– Ага, до 14.00.

– Но сейчас 13.58... Вы успеете за 2 минуты?

– Нет.

Пауза. Я жду, что курьер предложит мне решение, но он просто молчит. Я предлагаю ему вариант: я попрошу соседа дожидаться его до 15.00. Курьер говорит, ага, отлично.

В 15.00 должно начаться мое занятие по драматургии. Я пишу соседу в телеграме, приехал ли курьер, и получаю ответ «нет». Снова звоню.

– Здравствуйте. Мы договаривались, что вас подождут до 15.00. Вы будете?

– Ага.

– Но сейчас 14.58. Вы успеете за 2 минуты?

– Нет.

Пауза. Я жду, что курьер предложит мне решение, но он просто молчит. Он просто молчит! И тут я понимаю, что курьер глубокая творческая личность, а я нет. Его характер победил ситуацию: он просто смотрит в глаза конфликту, бросая вызов страху. Его выбор сделан. Очередь за мной. Теперь я должен сделать выбор: нужен мне отпариватель или нет.

Я выбираю жизнь.

Расческа

Шел вчера мимо «Артплея» и встретил подругу – она хлопнула меня по плечу и спросила, как дела. Но не спросила, что я тут делаю – очевидно же, что я иду на «Артплей», или за техникой в Zoom, за фотоаппаратом. Или на «Винзавод». Или в рокерский гадюшник – может, туда? Но нет. Я шел за складной расческой.

Накануне я нашел такую на «Озоне» за 357 рублей. «А вы не охренели?» – сказал я. И нашел точно такую же за 75 рублей в магазине возле «Курской». Туда я и шел.

И вот, встретив знакомую, понял, что со мной не так. Я не понимаю, откуда берут энергию и идеи те ребята, которые переходят из одного музея в другой, которые передвигаются между одним загоном для хипстеров к другому.

А я шел за расческой. А вокруг бурлила программа «Моя улица». Это было что-то невероятное! Я видел лица и лопаты людей, которые реально меняли жизнь. Кушища бетона, вонища, мат, что-то дымилось и корежилось – мимо бежали эскортницы, сжав ноздри, и тут же какие-то бородачи вскрывали асфальт. И я. Я рисковал жизнью, пробираясь между самосвалом и экскаватором, между проезжей частью и раскопанной бездной. Я стоял на краю жизни. А хипстеры валились в яму смерти и булькали там.

Подруга, которую я встретил, училась когда-то в одном творческом вузе. Помню, как пришел к ней однажды, а она показала мне двор. А там – полдюжину дорогих автомобилей и длинный сверкающий лимузин – как член в презервативе. «Что это?» – спросил я. Оказалось, это автопарк проректора. Он

сдаёт тачки в аренду, а двор общаги использует как парковку. Тамошние студенты сочиняли «духовку» про поиск бога, про бродячий цирк, инвалидов, многодетных, священников, метро, как трудно быть молодым. А лимузин не заметили.

Зря. Ведь лимузин – это жизнь. И любая эскортница, которую он возит, знает об этом. А мы только догадываемся. Зря.

Пароварка

Фак, у вас есть мир попроще? Купил овощи для пароварки, которой никогда не пользовался. Прихожу домой, пытаюсь понять, как готовить. Ничего не понимаю: какая-то чаша, под ней шпунька, над ней пластиковое блюдо с дырками. Зачем это? В инструкции клинопись: ничего не понятно.

Потом смотрю, а у меня же мультиварка. Тьфу ты. А чем она отличается от пароварки? Лезу гуглить и понимаю, что мультиварка и пароварка – это как эпидемия есть, но Парад Победы тоже... Ну, вы поняли. Короче, я просто хренакнул овощи и нажал кнопку. Через 10 минут вытащил. Ну, скажем так, овощи вышли на плато...

Добило меня то, что, как оказалось, пароварка 10 минут только разогревается. То есть я съел неприготовленные овощи. То есть да, овощное плато. Тут я чуть не заплакал. Почему я, гений, должен тратить на это время, почему еду нельзя напечатать, как в сериале «Upload». И то может закончиться картридж с жирами... Короче говоря, я немного Божена Рынска: мне нужно пол-ярда и слугу.

Все это меня так расстроило, что я съел сырники о-т-д-е-л-ь-н-о от сметаны. Это как секс в ковид-скафандре. Как танцевать под песню, которую поешь. Фак.

Я ел чистую сметану и смотрел ютуб. Включилась реклама, где бородатый мужик сидит в тачке и говорит: хватит ныть, включи голову, сделай что-то прямо сейчас. Знаешь, в чем секрет жизни, Печейкин? Это слово из 8 букв. Первая «к», последняя «д». К*****д. Коооовид? Кандидоз? Нет, там «д» не в конце. Коммммод? Нет, скорее «казнокрад». Или даже «конезавод».

В общем, сижу как кот: рот полон сметаны, а голова – мыслей.

Алкоголь

Я не пью алкоголь уже много лет. Все мои коллеги знают об этом. Они не едят мясо и пьют. Я ем мясо, но не пью алкоголь. И первый вопрос на банкете: «А почему?»

Одни считают, что можно есть убитую курицу, другие – можно убивать себя. Я просто лучше отношусь к себе, чем к курице.

Я не пью и не считаю это событием. Я ведь не рассказываю вам об этом каждый день – правда? Вы знаете, что я ем дошик и сырок. Но я не отчитываюсь в фейсбуке: не пью месяц, не пью два, посмотрите на мою кожу.

Я принял решение не пить – для себя. Что делать вам – я не знаю.

Лет пять назад я (еще в ЖЖ) отругал алкоголь. И тогда мои комментарии завалили друзья-гуманитарии – мне присылали селфи со всяким Ch?teau Margaux. И сообщения в духе «пью этот яд прямо сейчас», «привет от алкоголика», «попробуй пить, станешь добрей» и проч.

Говорить об алкоголе так же трудно, как о гомосексуальности. Я не «алкоголефоб, но...», «У меня есть знакомые алкоголики, и я к ним нормально отношусь...»

Но разница вот в чем. Гомосексуальность не гомосексуализм. А алкоголизм – это алкоголИЗМ. Не алкогольность.

Важный признак алкоголизма – это его отрицание. Я давно признал: если я не пью алкоголь, это не делает меня не-алкоголиком. Алкоголики – все. И я тоже. Давайте здесь успокоимся, отшутимся и пойдем дальше, ок?

Алкоголь больше похож на оружие, чем на секс. И это оружие часто промахивается. Комментарии: «А у меня всегда в яблочко!», «Может, у тебя

просто не стоит?», «Проверь ствол».

Да, алкоголь оружие. Просто один им защищается от стресса. Хватает бутылку и – бах! Другой алкоголем нападает и убивает. Человек имеет право делать с собой все, что угодно. Проблема в том, что он делает это с другими. Это оружие промахивается.

«Гитлер не пил алкоголь». «Лев и Валера против!» «Сырки – тоже зависимость».

А еще мы все пьем воду. И хорошие, и плохие. Только вода не дает такого эффекта. И жаль, что хорошая минералка стоит как плохое пиво. Я недавно возвращался ночью домой и на расстоянии 50 метров увидел две компании. И, друзья, они не напились пепси-колы. Одни кричали: «[Мужской половой член] в [фекалиях]!» Другие просто: «Беееэээ...»

Алкоголь – это керосин, вылитый в пламя дурака. Поэтому я аккуратно обошел эти компании. Как избирательные участки.

Когда я учился в Литинституте, то пил через вечер. Помню, как мы ходили в «Магнолию» ночью за водкой. «Может, не надо, мальчишки?» – спросила нас продавщица. «На-адо», – сказали мы. Почему я пил? Потому что мне казалось, что литература и алкоголизм – это как орфография и пунктуация. Алкоголь помогает расставлять запятые в течение дня. Вот ты лежишь троеточием, потом накатишь, подпрыгнешь как восклицательный знак, потом... Потом снова троеточием...

А потом я решил, что буду писать сам.

Друзья, если коротко и прямо: пожалуйста, постарайтесь отказаться от алкоголя. Хорошо, это слишком резко. Постарайтесь пересмотреть свои отношения с алкоголем. Конечно, он помогает вам быть веселей, остроумней и делать селфи. Поблагодарите его за это. Но однажды он может вас убить. Или кого-то – вами.

Шелковые объятия

Не знаю, было ли у вас такое – любовь с первого звука. Не взгляда. Слышишь голос и понимаешь – это твой человек. Готова родить. Жениться. Украсть в ковре.

Звоню в маркетплейс, чтобы уточнить детали заказа. В трубке голос молодого человека: «Здравствуйте, меня зовут Сергей...» И все – я понял, что это он. Мой губернатор. Фургал моих ушей.

И он тоже, кажется, понимает, что я его избиратель. Мы все друг про друга понимаем, но сказать не можем. У меня – заказ, у него – алгоритм.

Сергей начинает подробно перечислять детали моего заказа. И по заказу все про меня понятно.

– У вас... капсулы для стирки с ароматом Lenor...

– Да... – я хотел сказать «да, я такой», но сдержался. Сережа, жги.

– Саше для белья «Орхидея»...

– Да...

– Саше «Весенний жасмин»...

– Да.....

– И... саше... последнее... «Пробуждение чувств».

Тут я чуть не заплакал: что ж ты делаешь-то, Сергей?!

– Вы сказали, саше «Последнее пробуждение чувств». Но оно не последнее. Будет еще...

– Я в том смысле, что оно последнее в заказе...

– А...

Мы молчим.

- Ваш заказ подтвержден и будет доставлен 1 августа.

- Хорошо...

- Я чем-то еще могу вам помочь?

- Ничем.

- Тогда я желаю вам доброй ночи.

- И вам.

Я зашел в гардеробную, взял в руки саше: старое и выветренное. Встряхнул, вдохнул. Прочел надпись: «Шелковые объятия». Повесил обратно. Стоял в темноте. Всё.

Покупатели супермаркета

Зашел в продуктовый магазин забрать ароматические саше с маркетплейса. Пока кассирка искала заказ, я оглянулся – на магазин, на очередь, на мужика сзади. Три банки крепкой «Охоты» и консервы «Жаркое». На фото оно выглядело как гангрена для пачек сигарет.

Несколько человек, выпучив глаза, разглядывали ценники. Трехсоткилограммовая женщина вертела в руках упаковку с мишками Барни. Несколько мужичков зависли в отделе алкоголя – вечер пятницы, час до закрытия, надо успеть.

И вот смотрел я на людей и думал, кого же они мне напоминают. И понял.

Накануне я посмотрел «Самый лучший день» Жоры Крыжовникова. Это были они. Только они не пели. Не танцевали. Не Нагиев.

Им дали Конституцию, заасфальтировали радугу, скидки на пиво – а они. А что – они? Они напоминали персонажей в поисках автора. Электрических кукол с погасшими батарейками. Будто кто-то обещал вдохнуть в них жизнь и пустить ток. Но они перегорели и задымились.

Тем временем у меня в наушниках зазвучал «Transgender Dysphoria Blues» Against Me! Слова: «And you know it's obvious But we can't choose how we're made».

Мне принесли коробку с саше. Сквозь картон пробивался запах орхидеи и жасмина. Искусственный. Но запах супермаркета был сильнее. И естественней. Как будто жаркое в банке стало мыслить. И верить, что, когда откроется крышка, оно встретит бога.

Саше ни во что не верит. Просто висит. Просто благоухает. Как память о настоящем жасмине.

эмодзи цветка

Растения против зомби

Я очень люблю игру «Растения против зомби».

И люблю ставить ее в пример студентам-драматургам. С точки зрения киноредактора, эта игра абсурдна. В чем конфликт растений и зомби... в природе? Или «Angry birds» – в чем биологический конфликт птиц и свиней? Это же не кошки и собаки, не мужчины и женщины. Никакой биологии или социалки. Даже шахматы и те понятней – черные и белые. Только белые, сволочи, ходят первыми. «Растения и зомби» объясняют важную идею, что важен не открытый конфликт, а абстрактный. Он обнажает саму суть игры – желание играть.

Но сейчас я понял, что здесь все-таки есть конфликт. Но тайный. Растения и зомби противостоят друг другу онтологически.

И сегодня я понимаю это как никогда. Я растение, замершее в ожидании атаки зомби. Я просто базовый горошек, который плюется одной горошиной в две секунды. Любой зомби сожрет меня секунды за три.

Я горошек, который сидит в изоляции. А зомби все время куда-то идут, едут, чихают, кашляют и мычат: «Brains...» Я выхожу на улицу: у четырех человек из пяти в глазах – мутная вода. Им нужны мои мозги, потому что своих у них нет. Вместо мозгов у них – мнения. Мня-мня-мня.

«Plants vs Zombies» можно увидеть и через «патриотическую» оптику. Как конфликт подмосковных дач и западной военщины. Мирных грядок и Евросодома. Росла тихо наша ботва, никого не трогала, а тут вдруг zombies are coming. И напозла западная гниль на наши шесть соток. Идут, трясут однополыми пестицидами на православные помидоры. Или перевернуть все так: рос девственный укроп, мужала картошка, а на них повалила вдруг колорадова туча.

И почему политехнологии не используют этот ресурс – игр на мобильных и планшетах? Уж зомбировать так зомбировать.

Я, например, включая любую игру, принимаю сразу оферту, нажимаю на «далее», на «пропустить», на «принять». Ой, это было «проголосовать». Уже нажал. Ну ладно. Блин. Ок.

Соседка по Софрину

Звонок в дверь. Женский голос говорит: «Здравствуйте! Не могли бы вы мне открыть дверь в подъезд? Я иду к вашим соседям». Обычно я не открываю, у меня хорошо настроено ухо: я слышу, человек просто хочет рассовать флаеры из пиццерии. Или однажды детский голос спросил в домофоне: «Здласьте! А у вас лядом зивёт алмянская семья?» Это, очевидно, маленький маньяк.

Но этому женскому голосу я поверил. И открыл. На всякий случай посмотрел в глазок, кого впустил. На площадке появилась высокая женщина за пятьдесят. Звонит соседям. Открывает дверь сосед В.

– Здравствуйте, В.! – говорит незнакомка.

– Здравствуйте. А вы кто?

– А я ваша соседка по Софрину.

И дальше начинается лайт-версия сорокинских писем Мартину Алексеевичу. Незнакомка приехала из Софрина к В., так как на звонки он не отвечал. Тридцать лет назад она стала его соседкой по даче. В семье В. десятилетия разворачивались «нормальные склоки». Они закончились тем, что все члены семьи больше не разговаривают друг с другом – «прошлое – отрезанный ломоть». Все переругались и даже пересрались до состояния, названного Сорокиным «дрисня говна». Незнакомка в этом не участвовала, но ее стержовная свекровь – да.

Прошло тридцать лет, все разъехались и поумирали. Умерла прошлой зимой и мать В. До самой смерти никто из участников семейного скандала не изменил взглядов. Как сказал В.: «Каждый судит со своей колокольни, если она поместилась в могилу».

На трех сотках в Софрине соседка теперь хочет поставить теплицу. Но В. в права наследства вступить не хочет, отписывать три сотки – тоже. «Просто оставьте в покое». Незнакомка умоляет: «Я же не цыганка, чтобы забирать чужое. Я вам деньги дам!» В. не берет, незнакомка умоляет, В. отказывается: «Делайте что хотите!» – «Но не могу по закону...»

Я вернулся на кухню, заварил кофе, включил ютуб. И ровно в эту минуту вижу: летит квадрокоптер над зеленым лесом, а мужской голос говорит: «Еще раз внимательно посмотрим на участок Трутнева. Вот это 7019 задекларированных им квадратных метров. Видите проблемку? Участок на самом деле в два раза больше. Он соединен с соседним участком – 6874 квадратных метра. Полпред Трутнев фактически пользуется соседним, оформленным на не связанное с ним юрлицо участком. Но это никак не проходит по документам и не декларируется. Вот смотрите, он даже тропинку специальную проложил...»

И вот я смотрю на 1,5 гектара Трутнева, а под дверь у меня женщина умоляет продать ей три сотки. Она поставит на них тепличку, пройдет год, а может быть,

два. Но разящая рука правосудия доберется до нее. И покарает, и разорит. Потом журналист на пресс-конференции попросит у Путина помиловать несчастную. И Путин помилует. А Дмитрий Ольшанский скажет: а ведь мог не миловать, она ведь НАРУШИЛА ЗАКОН.

Полтора гектара и три сотки. Недвижимость за 2 млрд. и теплица. И закон, который мы пытаемся уместить, как колокольню в могилу. Очень высокую в очень глубокую. Россию в Россию.

Мой рай

Приснился странный сон. Я умер, но попал в рай. А попал, потому что успел покаяться в последний буквально момент. На последнем вздохе сказал: «Господи, прости за всю ху...» И уже в раю договорил: «...йню». Но мне зачли покаяние. Видимо, была какая-то акция или в честь 75-летия Победы – не знаю.

Короче, я в раю. Он выглядит как галерея современного искусства. То есть светлые стены и мало людей. Они смотрят на маленькие картинки, висящие на стенах: какие-то литографии, цветочки, пейзажики.

Часть сновидения проходит скучно: я просто хожу из зала в зал. Наконец с кем-то заговариваю и признаюсь, что первый день в раю и попал сюда в последний момент – успел покаяться. Это как успеть в последний день подачи налоговой декларации. Так я, конечно, не шутил, а просто поделился радостью с незнакомцем. И понял, что его расстроил. Не вижу его лица, но, чувствую, оно недовольное.

Дальше все как во «Сне смешного человека» Достоевского. Я уничтожил рай. Было это так... После признания я продолжил ходить по бесконечной галерее. Вскоре встретил группу людей. Это святые. Они ни дня в своей жизни не дрючили, все гетеросексуалы, русские и так далее. И они не понимают, почему мы на равных: они не дрюкали не разу, остальные дрюкали – и все в раю. Я понимаю, что они во многом правы, но сделать-то ничего не могу. А потом вижу – еще группа и еще, еще. Почти святые (кто подрочил всего один раз), почти-почти святые (дрочил два раза). И так далее.

Началось бесконечное дробление.

Но рай так устроен, что там все залы одинаковые и ни одной скамейки. То есть негде собраться, сесть и организовать святой донбасс. Так бы каждая группа заняла себе зал и пускала только своих. Но нет, в раю не так. Все просто ходят и ворчат. А я как нулевой пациент хожу, опустив голову, боюсь глаза поднять: с меня же все началось. А главное, в раю нет Бога: к нему бы все пришли и ёмаё, что за дела. Но его нет.

Проснувшись, я стал думать, отчего такой сон. Вспомнил Флоренского, вспомнил Фрейда, но ничего не смог ими объяснить. И тут я вспомнил: перед сном в час ночи я вынул из морозилки свиную грудинку. И увидел, что ее срок годности закончился 16 мая этого года. Но хранилась-то она в морозилке, а не просто в холодильнике. Плюс в вакуумной упаковке. И вот я стоял и думал: можно ли ее съесть? Но решил не рисковать. Была такая мысль: «А вдруг она испортилась и я умру во сне?» И что-то мне не захотелось умереть из-за свиной грудинки. Главным образом потому, что во сне нельзя быстро покаяться.

Вот так мысли о сроке годности свиной грудинки привели меня к религиозным исканиям. Друзья, не оставляйте никогда духовных поисков: пусть они осветят вашу юность, зрелость и пенсию. Люблю вас, братья, сестры и внегендеры.

P. S. Итак, вопрос: есть ли свиную грудинку после разморозки? Спасибо.

Кошачий рай

Папа римский заявил, что удовольствие от еды и секса – исходит от Бога. На самом деле я заявил это на неделю раньше, когда побывал в Свято-Троицком Стефано-Махрицком ставропигиальном женском монастыре. Уф, еле выговорил! «Ставропигиальном», как мне объяснили, – это «федерального подчинения». Возможно, поэтому монастырь производит такое люксовое впечатление. А, возможно, потому, что на него действительно снизошла божья благодать.

Это очень легко понять по его обителям. Я не про монашек. Я про котов.

Рыжика, экзотика, черныша, ваське, трехцветной кисоньке. И двум огромным мейн-кунам. Одного зовут Марсель, и он, как сказала, монахиня, «боится мужчин».

Все толстенькие, но в меру. Шерстка лоснится. Васька лезет на руки, экзотик трется об ноги. Мейн-кун, правда, убегает, но это только потому, что слишком популярен, как Даня Милохин.

Так вот, по каждому зверю видно, что здесь – благодать. Здесь едят, молятся и любят.

Стефано-Махрицкий монастырь лучшее место во всей округе, созданное по всем варламовским канонам – дорожки, газон, клумбы и беседки. Рекреационная зона, кулинария, ремесла, торговля, социальная жизнь – все здесь. И вокруг ни одного места, которое могло бы конкурировать по осмысленности и чистоте. Из других достопримечательностей – табличка «Бросишь мусор = проклятье + штраф 50 000 руб. по КоАП».

Поэтому, когда я слышу про «3 храма в сутки», то для меня это сообщение звучит двояко. В Москве – нет, не надо. В остальной России – давайте больше. Потому что ни одна другая структура не проведет электричество, водопровод, не начнет торговлю и движ.

Так вышло, что вокруг тик-тока, VR-очков или моих пьес жизнь в России не организуется. Почему – будем разбираться. Но мое железное доказательство в том, что хорошие коты не водятся там, где плохо. Вокруг меня сейчас нет ни одного кота, например... Бог не дал.

А святой Стефан Махрицкий передал через них свое благословение на производство скармоццы, кочатты и хлеба двадцати сортов. После такого – только секс. После секса – только в рай.

Мяу.

Кошачий ад

Я потерял веру в человечество. Зашел на ютуб-канал Teddy Kittens и посмотрел видео «Котенок сладко спит вместе с цыпленком». Там уже 9,4 миллиона просмотров – мой один из них.

И тут я гляжу под видео: у него 278 тысяч лайков и... 12 тысяч дизлайков. Двенадцать, мыть их, тысяч дизлайков!

Я открыл соседнее видео «Губернатор свалок с Лазурного побережья» с «Навальным LIVE». И там 27 тысяч лайков и 323 дизлайка. То есть людей спящие котенокцыпленок бесят гораздо больше, чем коррупция губернатора Ленобласти Александра Дрозденко.

Люди, вы кто? Вы вообще люди?

Что должно произойти с человеком, чтобы он поставил дизлайк котенку и цыпленку? Я несколько раз пересмотрел видео: зверята не делают ничего плохого. Котенок не сожрал цыпленка, они не какают, не отрицают Холокост, не делают котозигу. Ничего, кроме высокой милоты.

Может быть, не нравится съемка? Отсутствие закрученного сюжета? Неясно, в каких они отношениях? Эти 12 тысяч – это операторы российских рэп-клипов или кинокритики, которым не понравился новый Нолан.

Или это души единороссов, оставшихся без работы после «умного голосования»?

В общем, если вам некуда деть свой гнев, то вы знаете, что делать. Сегодня, именно сегодня.

Давайте сохраним нашу страну, чтобы котята и цыплята могли спать вместе.

Взгляд охранника

Зашел в магазин. А там новый молодой охранник. Лицо в маске. У охранников два главных инструмента – рация и глаза. Как у слепых обостряется слух, а у глухих – зрение. Так и у охранников заостряется прищур.

Из-за пандемии у москвичей стал появляться осмысленный взгляд. Тринадцать лет назад я впервые спустился в московское метро. И что я увидел: все пассажиры находились в состоянии делирия. Помню, Угаров на «Новой драме» проводил эксперимент – заставлял профессиональных артистов сидеть на сцене, «выключившись», как люди в метро. И ни у кого не получилось: все играли, наигрывали, пионерили и проч. А главное – тарацились. Только один простой зритель вышел, сел и «выключил лицо». И оно потрясло всех как голова горгоны Медузы. Стеклообразные глаза метрополитена, как дыхание смерти, обожгли зал. Эксперимент пришлось остановить.

Но теперь глаза начали жить. Я смотрю на молодого охранника и вижу, что его лицо живет под маской, а глаза веселятся. Ресницы как у быка или будды. Он еще не научился сканировать зрачками штрихкоды, через неделю научится. А пока у него просто два синих глаза и прыщи на лбу. Если бы не прыщи, он мог бы подрабатывать в рекламе – продавать суши, кошачий корм, только не кредиты. Там нужны другие глаза.

Жаль, что никто не скажет ему об этом. Посмотрел на него, в наушниках заиграла Mazzy Star: «Til your eyes share into dust. Like two strangers turning into dust». Прощай, незнакомец, я уношу память о тебе и салат с моцареллой.

Яйца и рация

Господи, ну почему со мной все время что-то происходит!

Захожу в магазин, у входа все как обычно – тележки, корзинки, крутятся охранники. Беру корзинку и иду к холодильнику, где выставлены блинчики и салаты. Здесь обычно скидки. Глаза ищут их.

И вдруг... звук!.. и странная тяжесть... наливает руку... правую...

Смотрю корзинку: в ней лежит рация.

Как рассказывали позже свидетели, произошло следующее. Я стоял у холодильника с салатами, рядом шел веселый охранник. Возможно, не просто

веселый, а навеселе. Он держал рацию за антенну и помахивал ей. Антенна выскользнула, а вместе с ней рация, как праща, пущенная Давидом в Голиафа, пролетела и упала ровно в мою корзинку.

- Извините, но я это не брал, - сказал я.

И наивно захопал глазами: мол, я не буду покупать вашу рацию. А потом рассмеялся: я, охранник, продавщицы, салаты, скидки - все.

Так вот, вероятность того, что из рук охранника вылетит рация, пролетит по воздуху и окажется в моей корзинке, равна... Как видите, не нулю, но очень к нему близка. Но я всегда выхватываю у судьбы эту вероятность!

Притом что не прошу! Притом что по складу характера я не охотник за головами, а охотник за скидками. Не поэт, не авиатор, не искатель. В душе я домохозяйка. Меня сводит с ума Тимоти Шаламе и сырники с малиной.

Сегодня напомнили анекдот, который описывает мои отношения с жизнью. Она меня пранкует, а я - ну ок, жизнь, давай пока.

Анекдот такой: усталая женщина заходит в подъезд, едва волочит ноги, в руках тяжелые хозяйственные сумки. Вдруг... на лестничной клетке... эксгибиционист!.. Он распахивает плащ, под ним - член.

Женщина смотрит уставшим взглядом. Потом говорит:

- Тьфу, яйца забыла купить!

...

Оливье и вечность

Вернулся вечером из гостей, принес оливье.

Утром проснулся, и первая мысль: надо доесть. Холодненькое, в стеклянной миске.

Достал, поставил, открыл: оно совершенно. Стал есть и думать, что есть оливье как смысл. Ведь оливье – это не просто салат, но и мысль, выраженная салатом.

Прежде всего оливье – это имя. Это талант Лоренса Оливье, это классика авангарда Оливье Мессиана, а посмотрите, как похоже оно на портреты Фернанды Оливье, модели Пабло Пикассо.

В оливье есть всё сразу, всё сразу: колбаса, огурчик, морковка, а также мудрость, разнообразие и цельность – потому что оливье – это взгляд бога на нашу планету. Он задумал ее как салат, сказал: пусть всё растет. Только не ешьте друг друга, а кушайте оливье.

Оливье возвращает Россию в мировой контекст. Россия – майонез мира сего. Секретный ингредиент, без которого салат был бы сух. Этот мир стоит на России, как оливье – на капле майонеза, как сама Россия – на слезинке ребенка. Майонез как мать, мазик как маза – удача во всем.

Я ел его и чувствовал, что я – горошинка, попавшая на вилку. Одинокий, когда я вырван из моего салата. Круглый дурачок, когда я не часть целого. Но лишь я окажусь во рту, на родном языке, я уже часть моего народа. Моего салата.

Съел половину, остальное – вечером. Когда над городом появится звездное оливье. И сама Земля в нем как горошина, а Млечный Путь – веточка укропа, а Вселенная – та еще петрушка.

А может быть, все мы снимся оливье. Я не знаю, я жду ответа.

Политика

Человек и аналитик

Как выглядит в России разговор простого человека и аналитика.

– Здравствуйте, я безмяннй простой российский человек, но хочу быть чуть менее простым.

– Угу. Я аналитик. В чем вопрос?

– Накануне я возвращался домой. Меня схватили какие-то люди, ограбили, засунули в зад пучок петрушки...

– Вопрос-то в чем?

– Так вот, вопрос... что это за безобразия?

– Спасибо за ваш вопрос. Я бы мог начать с того, чем отличается федерация от конфедерации, республика от монархии, демократия от автократии. Все это очень интересные и важные вопросы. Но я уже забыл, о чем вы спросили... Да и какая разница, что волнует такую козявку. Изучать нужно не козявок, а их первопричину – нос.

– Апчхи. Правда!

– Будьте здоровы.

– Спасибо за ответ. А что почитать на эту тему?

– Вы читали труды Рональда Инглхарта?

– Не читал. Я просто все это время был в гневе и растерянности. Это такое унижение: приходиться домой с пучком травы в заднице!..

– Так вот, попросите в следующий раз заснуть вам в попку труд Инглхарта. Не сомневаюсь, что многое встанет на свои места в вашей голове.

– А откуда вы знаете, что будет следующий раз?

- Есть глобальное исследование, которое показывает, что единожды пучок не засовывают.

- И когда это безобразие прекратится?

- Это зависит от ста семнадцати факторов.

- Каких?

- Известно их количество, но содержание неизвестно. Но, скорее всего, пучок петрушки будут засовывать вам до конца жизни. Только вчера его засовывали люди с тремя полосками на штанах, сегодня – с двумя полосками на погонах, а завтра – с одной полоской в тесте на коронавирус.

- А можно... как-то сделать, чтобы всем засовывали, кроме меня?

- В России нет. В России можно регулировать только угол наклона пучка в вашей заднице.

- А мои соседи говорят, что если вместе собраться и самим схватить тех, кто засовывает пучки, то...

- Если вы с соседями такие умные, то зачем меня спрашивать?

- Извините, пожалуйста...

- Дам один совет. Когда я жил в России – брр, страшно вспомнить! – я делал так. Перед возвращением домой сам засовывал себе петрушку в задницу. Хулиганы были в растерянности. Одни ее вынимали, другие поливали. Я знаю парня, который после этого сам стал аналитиком.

- Спасибо за ваш ответ.

- Не за что. Покупайте мою книгу «Ой, ты умер! Как ученые доказали бессмысленность вашей жизни».

– Спасибо, куплю.

– Мне все равно. Спасибо.

– Спасибо.

Любимая коза

Меня часто спрашивают: «Валерий, как жить?» Я отвечаю: жить надо так, чтобы не стать политиком. Для этого нужно, как в старой притче, «[вылюбить] козу». Помните, про монаха, который сделал много добрых дел, но все помнили его как козолоуба.

Так вот, нужно сделать то, что любишь. И добрые люди не пустят тебя в политику. Там ведь только святые. Политики как освященные яйца на Пасху: избиратели дерутся ими – чье первое треснет? Самое крепкое яйцо становится президентом. И двадцать лет красится луковой шелухой.

Политики – это собрание всего хлама в голове избирателей. Поэтому они также напоминают катышки на свитере. Это иконы и шашлык, однополые браки и нетфликс, феминитивы и баборабы. Это повар, который готовит из того, что упало на пол. Я так не смогу. Я неженка и подбираю крошки не с пола, а со стола.

В политике мне придется сделать две вещи. Первая – позвонить своей козе и сказать ей: «Я тебя люблю, но... Пойми, у меня начался новый этап...» А потом всю жизнь блять перед избирателем.

Вторая. Придется самому стать козой (козлом?) и повернуться попкой к монаху. Нужно стать шашлыком, который 365 дней жарит твой избиратель. Любой политик вынужден пропускать через себя дух мирового шашлыка. Все по Гегелю. А я так не могу. Я верю, что говядина родилась не для смерти в мангале, а для жизни в дошираке.

Я хочу бежать по зеленой траве к солнцу. Я и моя коза. Бежать подальше от политики. Туда, где свет и аромат, где я состарюсь, обнимая козлиный череп, рисуя на песке маленький пентакль... Sanguis Bibimus... Corpus Edimus... Tolle Corpus... Ave... Ave...

Повсюду Путин

У меня есть друг: умный, красивый, молодой. Казалось бы – живи и радуйся! Но вот недавно он признался, что ему очень трудно жить. Знаете почему?

«Из-за Путина». Я говорю: эээ, в смысле? «Ну ничего делать не хочется...» А если он уйдет? «Тогда – сразу захочу!»

С одной стороны, это смешно. Ну камон: Путин не мешает мне дышать и работать. А с другой – Путин как программа, которая в фоновом режиме загружает систему. И все начинает лагать.

Когда мой друг родился, Путин вскоре стал президентом. В детстве Путин вообще не заметен: какой-то смешной мужик в телевизоре. Ну и бог с ним. Потом он пошел на второй срок, а мой друг – в школу. В школе тоже не до Путина, там математика, русский и физра. Потом он ушел и оставил кресло Медведеву. В конце медведевского срока у друга начался пубертат: тут тоже не до президента. Тут океан любви, а не кооператив «Озеро». Потом вернулся Путин. Ну пусть, что ж поделаться... Хочется ему так. Друг поступил в творческий вуз, искал себя как автора. И Ларс фон Триер влиял на него больше, чем Путин. Но незаметно его срок вырос, как хронометраж у Триера. Увеличился с 4 лет до 6... В 2018-м он словно выпустил вторую часть «Нимфоманки» – выбрал себя еще раз. Народ сказал: «Я ничего не чувствую, но, если вам так хочется, я просто буду лежать и охать». Любви уже не было. Секса тоже.

Ладно, пусть. В 2024 году он точно кончится. А теперь стало понятно – нет.

Не кончится? Не кончится-я-я? До 2036 года-а-а? На новый срок? «НАНАНА. NO».

Ему 69, и он смотрит на Байдена, которому 79, и говорит: пф, а я еще огурчик. Он смотрит на Елизавету II, которой 95, и говорит: я сам королева!

Ладно, не в 2036-м, но в 2042 году его точно не будет. Мне будет 56. Увижу новую Россию!..

Но Володин уже сказал: «После Путина будет Путин».

... ..

П... у... т... и... н...

Перпендикулярная линия

Я кое-что придумал. Вместо «Прямой линии» – «Перпендикулярную линию». Раз в году президент приходит к гражданам. Происходит это так: рандомайзер выбирает случайную семью в России. Она узнает об этом утром. Сначала приезжает «скорая», чтобы успокоить и вакцинировать. Потом приезжает ФСО, все проверяет, меняет металлические вилки и ножи на пластиковые.

В полдень приходит Путин.

Все повторяется как на «Прямой линии», только наоборот – перпендикулярно. Путин начинает спрашивать: а почему то, а почему это. Почему так одета, почему кот здесь лежит, почему этот майонез, почему здесь мусор, почему волосы покрасила, почему к лету не похудела, почему белье с сушилки не снято, почему полы не мытые, почему пакет с пакетами, почему платежки не оплачены. Дети гетеросексуалы? Почему не рожаете? Материнский капитал, детское питание, пособия на детей, еще пособия, геев всех попрятали. А не рожаете – почему? И далее вопросы уже про гараж, дачу, родственников.

Сидит семья, головы повесили. Что тут скажешь?

– Владимир Владимирович, – начинает отец, – можно ответить?

– Говорите, конечно. Давайте начнем, например, с белья на сушилке.

– Хорошо, Владимир Владимирович... Так вот... В шестнадцатом веке в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского возникла Речь Посполитая...

[Проходит пятнадцать минут.]

...поэтому мы пока не сняли белье с сушилки.

[Проходит пять минут.]

И еще пару моментов. Беглый взгляд на сушилку показывает, что в семье все хорошо: у каждого есть во что одеться, есть верхняя одежда и нижнее белье из тканей разного вида плетения. В целом в семье достаток. Мужчины носят мужское, женщины – женское. Темное и светлое стирается отдельно. Да, шерстяная кофта села после стирки... Но кто не допускает ошибок? А все потому, что инструкция была не на русском. Хорошо было бы, чтобы на русском языке. Можно ли это организовать?

По результатам встречи постановили: снять белье в ближайшее время, разложить по шкафам, строго соблюдая разделение мужского и женского. Коту британской породы выдать предостережение не подходить к клетке с попугаем. Попугаю выдать корм, поменять воду, научить слову «Россия». Сыну выдать ключи от дачи, чтобы он ехал с подругами для гетеросексуальных мероприятий. Полы помыть, мусор выбросить. Вечером совместное употребление арбуза. Просмотр киноклассики.

– Спасибо.

– Будьте здоровы.

Маленький процент

Когда я жил в Ташкенте, мне рассказали такую историю. Она тоже связана с голосованием и тем, как власть рисует сама себе процент. Градус отрисовки этого процента ясно показывает, насколько власть сдурела.

Короче, центр изучения мнения узбеков решил узнать, насколько сильно они любят президента Каримова. Вернее, так: президенту Каримову нужно было показать, что узбеки его очень любят. Придумали опрос с вопросом – назовите величайшую личность всех времен и народов в истории Узбекистана. Ну и, конечно, варианты ответов: Каримов и все прочие от Мирзо Улугбека до Тамерлана. Но потом социологи спрашивают сами себя: а как выбрать между Каримовым и Тамерланом? Ему ведь памятники на каждом углу. Не, так не пойдет. Решили сделать два опроса: величайший мертвый узбек и величайший живой. И среди живых, естественно, Каримову конкурировать не с кем.

Вышли на улицу и получили по опросам около 83 % у Каримова. По меркам российской власти отличный такой процент. Казалось бы, можно публиковать и идти домой кушать плов. Но тут глава центра исследования узбеков говорит: так, уважаемые, то есть получается, мы заявляем Каримову, что у нас 17 % оппозиции? Ну а как может разумный человек не считать Каримова величайшим из людей? Сегодня он так думает, а завтра бабах делает. Это не яхши. Давайте, говорит, поднимем каримовский процент до 90. Норм? Норм.

Собрались уже расходиться, и тут кто-то говорит: но 10 %, которые не любят Каримова, – это же три миллиона человек. Вы только подумайте: три миллиона... Это как бы много.

«Так, сколько дадим?» – «Девяносто два?» – «Ни туда ни сюда». – «Девяносто пять». – «Отлично!»

В общем, дали 97 %. И пошли домой кушать самсу.

Каримову все понравилось. Сказал, есть над чем работать. Но я думаю, что ему было больно, обидно, что не 100 %. Думаю, он из-за этого и умер. От нервов.

Запах Жириновского

Однажды я видел Жириновского.

Это было лет десять назад. Друг друга работал в ЛДПР. В молодежном крыле. А Владимир Вольфович, как известно, любит молодежь. Мой друг тогда закончил курсы медицинского массажа, и да – ему предлагали съездить к Ж. для массажа. Но друг почему-то отказался. А мог бы сейчас возглавить Хабаровский край.

Но речь не об этом. Я был тогда в Госдуме, в самом рабочем кабинете Ж. Он похвастался, что это бывший кабинет наркома Калинина. Показывал телефоны на рабочем столе, откуда он может звонить большим начальникам.

Ж. начал встречу с того, что потребовал полностью выключить телефоны. Я вырубил свою кнопочную «Нокию» и стал слушать.

Ж. говорил, что главное дело – агитация. Она самое важное и самое скучное, потому что отнимает много сил. Но к телефонной агитации можно привлечь, например, людей с инвалидностью. Они сидят дома, и им доставит удовольствие звонить по телефону и агитировать за ЛДПР. Еще, помню, говорил, что в больших городах много бродячих собак. Их нужно отстреливать. К этой мысли Ж. возвращался несколько раз.

В конце часового монолога он объяснил нам, для чего идут в политику – ради власти. «Власть!» – Ж. вскинул руки к 4-метровому потолку. Потом обрушил их на телефонные вертушки. А затем сказал, что только обладая властью, можно за одну ночь отстрелить всех бешеных собак. Была большая пауза. Всем показалось, что речь окончена. Все зашевелились.

Я тихонько вытянул «Нокию» из джинсов и... включил. Но я забыл, что телефон включается с ОЧЕНЬ ГРОМКОЙ МЕЛОДИЕЙ. В тишине жириновского кабинета прозвучало «тигидынь-дыгындынь-дилидинь-там-тааам».

Я подумал: мне конец. Я зажмурился.

В тишине раздался голос Ж.: «Сейчас у нас будет десять минут на фотографирование. А потом я подарю всем дезодоранты “Жириновский”».

Так и случилось. Возникло две очереди: одна для фотографии, другая за дезодорантами – к помощнику Ж.

Я встал за дезиком. Потому что помощник был... Как бы вам сказать... Красивый и глупый. Он был как чехол для айфона, но без айфона. Ему едва исполнилось двадцать лет, и у него была визитная карточка. Звали его тоже Владимир. От него сильно пахло дезодорантом своего босса. Бутан, изобутан, пропан, денатурированный спирт, изопропил миристат, глицерин, парфюмерная композиция, линалоол, лимонен, бутилфенил метилпропионат, альфа-изометил ионон, цитронеллол, гераниол, аллантоин, триклозан.

«Не использовать возле огня. Не направлять в глаза. Не давать детям».

Интересно, какой он сейчас. И как пахнет. Владимир.

Цвет кожи

Честно, не хотел писать о нациях и цвете кожи. Это как вопрос, чей Крым. Любой ответ всех перессорит. Надоело.

Я родился с белой кожей в Ташкенте. Но я оттуда уехал. Почему? Потому что неприятно, когда тебя называют «русской свиньей». Неужели так называли? Называли. В глаза? В глаза. И били? Били. Но менты же не тормозили, как в Москве – «чурок»? Тормозили. И деньги отжимали. Но за что?

Помните, анекдот:

– Вань, видишь, два еврея, давай их побьем.

– Давай. А если они нас?

– А нас-то за что?

К великому сожалению, национализм, как и всякое зло, не может быть локализован. Например, националисты только русские или белые. Увы, нет. Гуманизм – это равенство. Зло принадлежит всем. Нас не объединило добро, но мы очень похожи в ненависти. Черные такие же идиоты, как и белые. Все равны в глупости. Здесь мы настоящие – м-ы.

Живя в Ташкенте, я очень хотел уехать в Россию. Мне казалось, русские люди как увидят, так сразу устроят мне спа, жра, выпива. Помню, как я ходил в российское посольство в Ташкенте. Во-первых, это второе в городской черте здание, обнесенное колючей проволокой. Первое – Таштюрьма.

В посольстве я понял, что Россия не для русских, а для бюрократов. Они относились как к «чуркам» – ко всем. Я помню, добивался консультации юриста. Неважно, о чем мы говорили, важно, как выглядел юрист. Зайдите в инстаграм и наберите #cuteguuy. Юрист выглядел как полубог. Из недостатков – прыщик и пробивающийся на воротник – второй подбородок. В пересчете на ташкентские цены зарплата юриста была как, не знаю, у Сечина. Со мной он говорил секунд десять. Хотя десять много. Шесть.

И тогда я понял, что я не русский. Потому что нация – это не язык, не лицо, не цвет кожи, не имя, не родня, не история. Нация – это зарплата. Заметьте, все комментарии про Америку о том, как разбили витрину Louis Vuitton и утащили сумку. Какая катастрофа. Потому что единственный пострадавший в этой битве – это Капитал. И Джордж Флойд пытался сбуть его визитную карточку – фальшивую банкноту.

В мире, где только зло универсально, капитализм – единственная универсальная нация и цвет кожи. Тоже зло, но меньшее.

Единственное, о чем я тогда думал, стоя перед наливным юристом: только смерть и оклад уравниют нас. У меня белая кожа, но зеленый паспорт с птицей Хумо. У него красная морда и паспорт красный – с орлом. Он богатый русский, а я бедный русак.

Но я очень рад, что родился не в среде русских. Потому что не слипся с ними мозгами, как пельмени в морозилке. Самое страшное, когда страна превращается в огромный пролежень. Включите российский сериал – там никого, кроме славян. Америке повезло: белые, черные, желтые, радужные – и

всем приходится договариваться. А в России обо всем договорились белые и беленькая. Два раза в месяц: аванс и зарплата. Снова нечего отложить на луи вуитон.

Росгвардеец плачет

Иду по улице к метро. Проходя мимо Альфа-банка, замечаю справа какую-то темную фигуру. Смотрю: крепкий молодой человек. Стоит и плачет. Да, плачет на улице – в понедельник, посреди дня. Людей вокруг нет, только он один – рыдает, уткнув локоть в дерево...

Ну я же не зверь, подошел и спросил, в чем дело. Думал, может быть, кто-то умер или заболел.

Молодого человека звали Владимир, он работает, не поверите, в Росгвардии. Шел он к психологу по ОМС, но заблудился и отчаялся, как комик Долгополов – его накрыли слезы прямо во дворе. Владимир сначала не хотел рассказывать, но потом поделился: накануне он был в парке Горького.

– Я не знал, что люди могут прийти до такого зверства, – начал Владимир, слезы еще блестели на его смуглых щеках. – Накануне мы задерживали пенсионерок на «Пушкинской»... Старуха – она же как большой мешок с маршмеллоу. Что может сделать вам маршмеллоу? Да, пожалуй, ничего. Или даже тонконогий студент Высшей школы экономики? Это как мешок с митболами. Что могут сделать вам митболы? Но вчера... в парке Горького... – голос его задрожал, а глаза вновь наполнились слезами, – вэдэвэшники... они толкались, ругались... Я поцарапал запястье. Видите?

Он показал запястье с чудовищной отметиной – около 0,5 см.

– Что произошло с людьми? Почему они такие? Я шел в росгвардейцы не для того, чтобы меня толкали... Я росгвардеец, я цветочный ветер из игры Flower. Я вплетаюсь в поток жизни и начинаю свой замысловатый хаотичный танец...

Оказалось, что нас слышала пожилая женщина, которая вышла на балкон. Она быстро спустилась во двор и предложила себя задержать. Владимир поблагодарил ее, заломил, шутя, руки и нашел в халате корвалол. Мы пошутили про наркотики, пенсионерка, тоже шутя, написала на груди «Хабаровск». Но тут Владимир сказал, что это не смешно, и произвел задержание. Идут следственные действия.

Лукашенко у психотерапевта

Лукашенко у новой психотерапевтки. Старая вспылила и сказала, что он просто старый мудака, убийца и диктатор. Лукашенко написал в фейсбук – друзья нашли ему новую по скайпу и VPN. У нее тоже висели на стене сертификаты, а рамки у них были даже золотистей. Она сказала, что никакой он не убийца, а большой малыш. Лукашенко говорит, что он устал от волны абьюза. Он не нападает, а защищается. Психотерапевтка отвечает: конечно, конечно. Лукашенко говорит: в 67 лет жизнь заканчивается? Психотерапевтка отвечает: оуч, нет, вы еще корнишончик. Лукашенко говорит: кому я вообще и что должен? Психотерапевтка отвечает: пфф, никому, живите для себя. Лукашенко говорит: хочу и буду! Психотерапевтка говорит: вы рождены быть счастливым, а не оправдываться, не угрызаться. Лукашенко: а грызть! Они смеются. Лукашенко говорит: якая ж карысная навука псіхалогія!

Беларусь

Меня очень веселят люди, которые пишут – ой, ну побегают белорусы, покричат, а Лукашенко все равно останется президентом. Ну задавили одного, а могли бы сто, даже сто двадцать!

В целом да. Вряд ли Лукашенко куда-то денется. И в целом да – семь тысяч человек арестовал, а мог бы и убить. Дело в другом.

Если вы говорите кому-то «в чем смысл куда-то выходить, ничего же не изменится», то ответьте мне на несколько вопросов.

Вы когда-нибудь болели за спортивную команду? Смотрели футбол или хоккей? Там же реально мужики гоняют мяч по траве или шайбу по льду. И от этого ничего не меняется. Зачем вы смотрите? Или, может быть, вы верите в бога и ходите в церковь. Или просто верите – зачем? Что от этого изменится? Или смотрите кино – на экране артисты, а не люди. Зачем вы на них смотрите? Они решают конфликт, которого не было. Он на вас не влияет. И вы на него.

Вы, наверное, верите только в инструменты прямого действия. А что это вообще? Молоток? Других я не могу назвать. И зачем вы рождаете детей? Они ведь могут вырасти геями или рэперами. Они могут послать вас на хрен (что я бы сделал на их месте). Если у вас нет детей, то зачем вы просто занимаетесь сексом? К чему все эти фрикции? Чтобы тупо кончить? И... все?

Когда-то в журнале «Костер» я прочел заметку о мальчишке, который ничему не удивлялся. Восторженные одноклассники рассказывали ему о походах, открытиях и влюбленностях, а он отвечал им: «Ну и что?» В конце автор говорил, мол, ну и сиди один, злой пионер, а мы пойдем в поход.

И я понимаю обе стороны. Пионер мог оказаться интровертом, он просто не хотел удивляться публично. Он удивлялся внутри, а не на партсобрании. Но он не писал в фейсбук.

Я говорю о людях, которые пишут в ответ на любое проявление чужой наивности, геройства или пассионарности. Им важно, чтобы у белорусов не получилось. Тогда они выдохнут и скажут: «Значит, и у нас не получится!»

А если у белорусов получится, они скажут: «Ну и что?» Или как в старом анекдоте: «Покажите мне «это». Ну помните, мы пели, что «все умрем в борьбе за это». Вот я и хочу его увидеть».

Сегодня вдруг выяснилось, что «это» для огромного количества людей снова стало поводом рисковать жизнью.

Но если вы совсем не видите «этого», то посмотрите на свою жизнь. Вы тоже революционер. Вы каждый день боретесь за какой-то маленький кусочек быта. За кафе, химчистку, фильтр воды. Если у вас нет эмпатии к политической борьбе, переведите ее на свой язык. Просто скажите: эти люди ведут борьбу за раф на кокосовом молоке. Так норм?

Вот и хорошо. За раф можно умереть.

Умрите же за него.

Но лучше выпить его в годовщину революции, где пролилось больше кофе, чем крови.

Свеча революции

Купил в «Икее» свечи. Простые, не ароматические. Стеклоподсвечник у меня уже был. Вынул одну свечу из коробки, взял подсвечник. И тут началась первая странность. Свеча внизу была специально усечена. Она вошла в подсвечник идеально. Крепко, вертикально. Как устанавливают колышки у домов бизнес-класса. Возле эконома они всегда торчат в разные стороны. А тут какая-то свечка и встала как ракета.

Мне это не понравилось. Я покупал свечи для домашнего ритуала. Ты ее берешь, запихиваешь, ровняешь.

Ладно. Я зажег свечку. Думал, она запыхтит, затрескочет. И потекут капельки воска...

Свеча молчала. Почему-то в ней не образовалось черных точек, которые лезут на горящий фитиль. И трещат. Капель воска тоже не было. Свеча была как с картины Герхарда Рихтера. Просто свеча.

Я был в ужасе. Где свечи моего детства? С шумом, вонью, уютom в начале и пожаром в конце! Где они?

Свеча горела тихо и ненасильственно, как белорусская революция. Только в конце я почувствовал запах разогретого стекла – это подсвечник сообщил, что всё. Отсветила.

Женщины перед митингом

А куда делись такие женщины? Помню, несколько лет назад перед каждым митингом какая-нибудь тетка писала:

«Послушайте, но ваш Навальный же просто безвкусен как загубник. Он познакомился с женой на курорте в Турции. Я, конечно, понимаю, что Россия будущего видится вам как трехзвездочный отель, а Москва – шведским столом. Но я не принимаю этот выбор между курагой и фуа-гра, где оба – просрочка».

Эти женщины все время описывали разговоры за соседним столиком в духе:

«Я и моя подруга, две уставшие бобошки, хотели просто отдохнуть, но за соседним столиком села парочка. Она в чокере, он похож на Колчака. И начали: «Ты идешь завтра?» – «Конечно, иду». Я подумала: может, они про тот иммерсивный спектакль по новодрамовскому дыр бул щылу (меня сто раз позвали, ффф). Но нет. Они про митинг Нав-го.

И дальше обе как забывшие стоп-слово: надо идти, идти надо. Мы с подругой изнемогали, как пастила под солнцем. Подошел официант, мальчик с коком, спросил, все ли нам понравилось. Мы обе засмеялись, потому что как бы – нет. В чем дело? Вино? Нет, мальчик, шато-лафит не подводит, а то, что льется в уши – Revolution russe, – это полный швах. Я оставила мальчику побольше чаевых, чтобы он не волновался и купил себе другой дезодорант. Может быть, начав с подмышек, наши мужчины наконец и сделают что-то путное.

P. S. Теперь по делу. Вы меня спрашивали про одно заведение. Ну, я зашла. Стены отделаны планкеном, принесли чизкейк с соусом из гуавы. В гуаве волос. Такой, знаете, как дикобразова игла. Надеюсь, это заведение снесут протестующие на выходных. Мой гонорар за чизкейк в кассе – отдаю на дело революции».

...

Где сейчас эти женщины?

Надеюсь, они здоровы.

Стук в дверь

В подъезде стучат. Подумал: за мной пришли. Выхожу: сняли кафельную плитку (которая как у Соболь в подъезде), ободрали стены и начали красить. Ого, думаю, ничего себе: из моей хрущевки стали делать дворец!

Закрыл дверь, стою один в коридоре, и такое чувство... как будто Путин правда меня читает. И сказал: я хочу войти в историю, как человек, который отремонтировал Печейкина.

И тут я понял: вот приведи меня сейчас к Путину, что я ему скажу? Как ведет себя интеллигенция на встречах с Путиным: он обводит глазами народных артистов, и едва их взгляды встречаются – они начинают хохотать. Краснеют, пыhtят и заливаются.

Потому что личный контакт, он сильнее всего. Будь я президентом, я бы сделал так. Завтра омовцы просто и тихо подходят к каждому:

– Ну ты чего такой? – очень спокойно, сняв маску.

– Чего – какой?.. – Сердце бьется, потому что все омовцы красивые.

– Ну вот такой...

– Какой... такой...

И вот мы стоим, а остальным неудобно подслушивать, и все отходят.

– Вот вакцину тебе сделали, ремонт тебе делают...

– Я... поймите... дело в правах... человеческих...

– Ну, напиши об этом. Зачем ходить? Сегодня так холодно.

– Холодно.

И вот мы смотрим друг на друга, у него на носу блестит снежинка, у меня – слеза.

– Как я найду тебя?

– Я найду тебя сам.

– Оставь номер.

– 02.

Он уходит, его широкая спина исчезает среди других широких спин. Но его такая одна.

И я такой один.

Хороший дефицит

Главный провал этого года, конечно, российская вакцина «Спутник V».

И главная ошибка в том, что ее пиар не понимает души русского человека.

Короче, чтобы русский человек захотел товар, он должен встать в очередь. Если за товаром нет очереди – кому он нужен? Другое дело, если есть очередь: к айфону, поясу Богородицы. Вот это я понимаю!

А вакцина? Лежит, как старуха на пляже. Ну кому нужна такая вакцина?

Нужно было сделать вот что:

1. Создать искусственный дефицит: открывать запись по чуть-чуть;
2. Пустить слух, что вакцину сначала дадут депутатам;
3. Остальное сделает российский фейсбук.

В фейсбуке разыгралась бы финальная битва. Посты «Путин, я умираю, спасибо»; статья «Доживу ли я до конца сериала?» – россиянка не может получить вакцину, но уже купила подписку на нетфликс»; истории о том, как либералы уступают друг другу места в очереди: ты живи, нет, ты. В итоге целый день был отдан вакцинированию Нюты Федермессер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pecheykin_valeriy/steklyannyy-chelovek

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)